

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ДВУХ ЛЕГЕНД ИЗ СКАЗАНИЯ ОБ АРДАШИРЕ

Как известно, за многими преданиями, сюжетами и героями национального иранского эпоса стоит основная идея зороастрийского вероучения – идея равновесия в мире сил добра и зла и их постоянной борьбы с переменным успехом. Силы зла, которые предстают в различных воплощениях (сам Ахриман-Ангра-Манью, Заххак-Ажи-Дахак, Тур, Афрасиаб-Франхрансьяна-Фрасиаг и другие), постоянно противопоставлены силам добра, представляемым иранскими царями и героями (легендарными и историческими). При этом Ахриману нередко удается толкнуть на путь зла или богохульства кого-нибудь из положительных героев эпоса: Джамшида (Йиму), решившегося на самообожествление; Кей-Кавуса, дерзнувшего полететь на небо; Гуштаспа, стравившего своего сына Исфандияра с богатырем Рустамом. Как правило, именно подобное отступничество праведного царя бывает причиной очередного торжества злых сил – силы добра вновь торжествуют лишь с приходом нового спасителя. Эта основная идея в наиболее стройном и систематизированном виде предстает в великой поэме-эпосе Фирдоуси "Шахнаме".

Последний из славных спасителей Иранского царства в этой поэме – Ардашир Бабахан (Папакан),¹ который, свергнув узурпатора Ардавана, вернул престол своих предков, древних кеянидских царей и создал основы для возрождения великой Иранской державы (продолжили и завершили дело Ардашира его сын Шапур и внук Ормизд). Сказание, посвященное ему, в различных своих версиях (основными из дошедших до нашего времени вариантов сказания следует считать посвященную Ардаширу часть "Шахнаме" и среднеперсидский "Карнамак") повествует о нелегкой борьбе Ардашира за воссоздание Иранского царства; при этом события реальной истории тесно переплетены с легендарными и мифическими сюжетами.

В этом смысле интересны две легенды, входящие в сказание об Ардашире – легенда о борьбе Ардашира со сказочным Червем (I, стр. 139-154, бейты 499-777) и легенда об Ардашире, Шапуре и дочери Мехрака Нушзада (I, стр. 164-172, бейты 160-298). В обеих легендах своеобразно преломляется основная идея "Шахнаме" и иранского эпоса в целом, причем доброе начало отождествляется в них с принципами зороастрийско-иранского легитимизма.

Две версии легенды об Ардашире, Хафтваде и Черве.

Вряд ли нужно здесь напоминать содержание данной легенды, как и второй, ибо каждый иранист с ними, разумеется, знаком. Однако следовало бы еще раз обратить внимание на значительные сюжетные различия версий этой легенды в "Шахнаме" и в "Карнамаке", делающие различными существенные моменты их идейного содержания.

В "Шахнаме" эта легенда начинается рассказом о появлении Червя и обретении Хафтвадом с его помощью могущества и власти; рассказ этот дает основную идею всей легенде: некто мелкий, недостойный (с точки зрения феодальной идеологии), которому от рождения предназначено жить трудом и подчиняться власти имущим, случайно вступает в контакт с одним из дивов из лагеря Ахримана и с его помощью, вопреки воле Ормузда, обретает силу и власть. Он незаконно лишает престола и жизни одного из "законных" владык Ирана, попытавшегося поставить его на место и, овладев его княжеством, становится одним из сильнейших иранских властителей. И его владение превращается в центр поклонения этому диву, а тем самым – в один из важнейших, если не важнейший, оплот зла на земле Иранской (вспомним, что и Ардашир проникает в резиденцию Червя под предлогом паломничества, и охрана Червя верит ему, стало быть, подразумевается, что подобные паломничества к Червью совершались и ранее). А Ардашир ведет с ним борьбу за незыблемость зороастрийской веры и принципов легитимизма.

В Карнамаке история появления Червя отсутствует, нет ни малейшего намека на "незаконность" Хафтвада как правителя. Хафтвад (Хафтбад) там – один из 240 иранских князей (кадак-хватавов),² владеющий своим княжеством на столь же законных основаниях, что и все остальные князья. При этом не Ардашир начинает войну с ним, а Хафтбад первый нападает на один из отрядов Ардашира и захватывает богатую добычу. Кроме того он, оставаясь "законным" по крови правителем, отошел от зороастрийской веры, связался с дивом-Червем и, обретя с его помощью непобедимость, посягнул на Ардашира, богом определенного владыку всего Ирана, а следовательно и на саму зороастрийскую веру. И Ардашир с одной стороны защищает свою честь, а с другой – ведет борьбу за веру, против злых сил.

Связующее звено между этой и второй легендами – Мехрак Нушзад (Аношагадан), лицо историческое, действительно упоминаемое в ряде источников (Ш, стр. 36–37). Последний (в легенде) и рода царского, и от зороастрийской веры он открыто не отступал, во всяком случае об этом ничего не сказано. Но он посягнул на Ардашира, ста-

ло быть, пошел против воли Ормузда, что уже не только вероломство, но и несомненное богохульство. И сделал он это, воспользовавшись поражением Ардашира в войне с узурпатором и вероотступником Хафтвадом, так что фактически оказался союзником последнего, и следовательно, пополнил ряды воинства Ахримана. За это его постигает неминуемая кара, а его владения естественно переходят к Ардаширу. При этом с ним Ардашир справляется легко и быстро (I, стр. 149, бейты 688-693), тогда как с Хафтвадом борьба была долгой и трудной, возможно потому (по логике легенды), что пойдя против Ардашира, а, следовательно и против Ормузда, он не вступил в открытый союз с Ахриманом, то есть не завязал с последним каких-либо отношений.

И однако при всем при том, как мы видим из следующей легенды, хотя Мехрак и совершает тяжкое преступление и несет заслуженную кару, род его остается одной из ветвей рода кеянидского и впоследствии будет призван сыграть не менее важную роль в воссоздании Иранского царства, чем Ардашир и его потомки.

Место второй легенды в сказании об Ардашире.

Перейдем теперь к легенде об Ардашире, Шапуре и дочери Мехрака. Эта легенда логически завершает все сказание об Ардашире. В ней происходит окончательное объединение страны под властью "законных" царей, олицетворяющих волю Ормузда на земле. И достигает это не через победу над очередным врагом, как прежде, а через соединение двух царских родов, вернее двух ветвей одного рода, восходящего к Кеянидам. Хотя Ардашир в эпических преданиях и является прямым потомком Кеянидов, хотя его и сопровождает царственный Фарр,³ хотя ему и удастся свергнуть Ардавана, овладеть иранским престолом, победить множество других врагов, но окончательно подчинить страну, восстановить в ней спокойствие и порядок ему все же не удастся. И так происходит потому, что он ранее поправил права другого рода, который восходит к Кеянидам, и права которого на престол не менее законны, чем права Ардашира и его потомков. Виноват был, правда, Мехрак, совершивший вероломное нападение, но сути дела это не меняет: права его рода поправаны, а в таком случае "законность" правления Ардашира уже под сомнением. Только если эти две семьи соединятся, и на престол взойдет (или хотя бы станет престолонаследником)⁴ их общий потомок, "законность" целиком восторжествует, и победа доброго начала будет несомненной.

И такой поворот событий в легенде предопределен свыше, как

ранее победа над Заххаком или Афрасиабом, Ардаваном, или Хафтвад — никто не в силах этому помешать. Но если раньше помешать исполнению предначертанного пытались Ардаван с сыновьями, курды, Хафтвад, жена Ардашира (дочь Ардавана) и другие враги, то в этой последней легенде прямых внешних, как и внутренних врагов нет, а основным противником божественного предопределения оказывается ... сам Ардашир! Именно он встречает в штыки слова индийского Пророчателя,⁵ хотя тот, по тогдашним представлениям, непререкаемый авторитет, и пытается окончательно добить тот второй царский род, который вместе с его родом должен образовать "законную" династию, забывая при этом о цели всей своей жизни — воссоздании Иранского царства. Однако божественное провидение не допускает этого противоречащего высшей небесной справедливости деяния и обеспечивает в конечном счете исполнение предначертанного. Когда Ардашир узнает о случившемся, он не только принимает его как должное, но и радуется исполнению предсказания. Иными словами, мудрый и доблестный потомок древних царей ведет себя в данном случае как буйное, неразумное дитя. Так уже было однажды, когда он настаивал на непременной казни своей беременной жены, не думая о том, что престол может остаться без наследника (I, стр. 156—158, бейты 15—42).

Казалось бы Ардашир должен быть непременно наказан за свое упрямство, как были, например, наказаны Джамшид или Исфандияр. Но этого не происходит, поскольку небо возложило на Ардашира великую задачу. Если бы ему удалось разыскать и убить дочь Мехрака, тогда, надо полагать, царственный Фарр неминуемо покинул бы его, и он разделил бы судьбу Джамшида или Наузара. Но тогда погиб бы не только Ардашир, но и то великое дело, которое он призван был совершить, страна бы вновь оказалась свергнутой в пучину смуты и бедствий. Не происходит этого благодаря цепи случайностей, за которыми несомненно стоит, по логике легенды, промысел небесных сил.

Действительно, эти высшие силы, не дав Ардаширу совершить роковой поступок, постепенно и ненавязчиво подводят его к сознанию собственной неправоты. Так, они дают ему возможность остыть после первой вспышки гнева, вызванной словами Пророчателя, забыть о дочери Мехрака и только после этого сводят Шапура с последней, заставив его плениться ее красотой и силой; потом они дают возможность Шапуру скрывать маленького сына от деда до тех пор, пока Ардашир уже, надо полагать, окончательно не забывает о Мехраке и его семье, а его внук не достигает того возраста,⁶ когда дед уже может воочию убедиться в его достоинствах. И все происходит как бы случайно: просто дочь Мехрака спасается от Ардаширова гнева; староста деревни⁷ дает ей приют, по-прежнему чтя ее отца, своего

покойного сюзерена; Шапур случайно встречает ее у колодца, влюбляется и женится на ней, менее всего думая при этом о словах Прорицателя, а просто не имея склонности безоговорочно подчиняться отцовским капризам; наконец случайно Ормизд, сын Шапура убегает от бдительно охранявших его слуг отца, чтобы поиграть со сверстниками, а Ардашир случайно, возвращаясь с охоты, заворачивает на ту самую площадь, где играет в чоуган его пока еще неизвестный внук; и история с мячом, упавшим к ногам Ардашира, что дает возможность Ормизду проявить себя, происходит опять таки случайно. И вот через все эти случайности как раз и проявляется воля высших небесных сил, не дающих Ардаширу погубить себя и только что воссозданное Иранское царство, как бы он сам того ни желал.

Логически, однако, остается неясным, почему высшие силы проявляют столь трогательную заботу именно об Ардашире, тогда как Джемшида, Исфандияра и Дара, которые также происходили от царей, бросили в свое время на произвол судьбы, да и не их одних, а и все Иранское царство! Это противоречие более или менее разрешается, если вспомнить одну, обычную для всех разделов, частей и эпизодов "Шахнаме" деталь: роль гороскопа. Действительно, ни одно сколько-нибудь важное событие не происходит в поэме без того, чтобы его не предварило определенное расположение светил на небосводе, по которому прорицатели могут в общих чертах это событие предсказать. Что же оно значит, расположение светил? Позволю себе сделать предположение на счет глубинного смысла этого поверия. Как известно, по зороастрийским верованиям (я имею в виду ту форму зороастризма, которая легла в основу официальной религии Сасанидского государства) как Ормузд, так и Ахриман происходят от божества Вечного Времени (Зурвана),⁸ некоей персонифицированной или не вполне персонифицированной субстанции, которая, видимо, возвышается над ними обоими. И определяет успех того или другого. А расположение светил на небе изменчиво во времени, откуда, надо полагать, сасанидскими теологами и был сделан вывод о гороскопах, как свидетельствах того, кому в данный момент благоприятствует Зурван - добрым или злым силам. Ничто соответственно не может совершиться без соответствующего гороскопа, - в частности и возвышение Ардашира.

Трансформация понятий добра и зла в "Шахнаме" на примере сказания об Ардашире.

Читая сказание об Ардашире и сравнивая его со всеми предыдущими сказаниями о царях и героях, вошедшими в "Шахнаме", можно заметить, что Ардашир - праведный царь, защитник добра на Земле

ведет себя, мягко говоря, чрезвычайно жестоко. В частности, для него совершенно естественно не только убивать врагов, но и истреблять целиком семьи побежденных противников, в том числе женщин и детей, а также разорять их владения. Жестокость Ардашира бросается в глаза при сравнении его с некоторыми из его царственных предков, например, с добродетельным Кей-Хосровом. Вот каким кодексом чести руководствуется последний:

"Однажды один мобед совет мне дал:

Если увидишь врага, схваченного живым,

Не убивай его поспешно, без оглядки,

Ведь убить пленника можно всегда, когда пожелаешь.

А если он уже убит, вновь воскресить его

Кто и когда смог (бы) за всю жизнь долгую?!"

Кей-Хосров велит убить, не внемля мольбам о пощаде, лишь Афрасиаба, Гарсиваза и Гаруя - убийц его отца Сиявуша, сдавшихся же туранцев щадит, а Пирана, честного и благородного противника, павшего в бою, хоронит с честью. А Ардашир расправляется, например, не только с самим Мехраком, но и со всем его родом.⁹

По-разному относятся Кей-Хосров и Ардашир и к мирному населению. Первый приказывает своим воинам:

"(Будь то) земледелец, или ремесленник,

Никого, кто на сраженье с тобой не подпоясался,

Не должен ветер холодный коснуться,

Не сражайтесь ни с кем, кроме противников.

Второй же от этой заповеди весьма далек. Так, он отдает на разграбление своему войску и земли курдов, и владения Хафтвада (I, стр. 139, бейт 49I и стр. 154, бейт 766).

Не всегда порядочно ведет себя Ардашир и по отношению к своим воинам. После побед он неизменно щедро одаривает их добычей. Но после неудачного сражения с войском Червя, когда неприятель перерезал все дороги, и в лишенном провизии войске начался голод, Ардашир со своими приближенными устраивает роскошный пир, где на стол ставятся чаши с вином и жирная баранина. Можно вспомнить, что Александр Македонский во время трудного маневра, когда его войско страдало от жажды, отказался от воды, специально для него добытой (IV, стр. 427).

Бросается в глаза и другое: враги Ардашира не совершают особых злодеяний. Так Хафтвад, например, только убивает каджаранского князя, который первым посягает на его честь и имущество, но остается опять таки непонятным, казнил он князя, или тот пал в бою (I, стр. 142, бейт 55^а). Страшный Червь питается рисом, самой

что ни на есть вегетарианской едой.¹⁰ Но следует учитывать, что Хафтвад – узурпатор и вероотступник, и этого достаточно, чтобы поставить его в один ряд с людоедом Заххаком или вероломным убийцей Афрасиабом (I, стр. 148, бейты 661–662; II, стр. 51). Ардашир же совершает великое дело воссоздания Иранского царства, и те жестокости, которые он во имя этого великого дела творит, закономерны и оправданы с точки зрения высшей божественной справедливости. В тех же случаях, когда он, по неразумию, пытается совершить что-либо, противоречащее этой высшей справедливости, провидение немедленно удерживает его от подобного шага. Но по большей части Ардашир творит благие дела, а потому, очевидно, "благими" следует считать и большую часть совершаемых им жестокостей.

Таким образом, центральная идея "Шахнаме" и всего иранского эпоса к тому времени, когда Фирдоуси заканчивает рассказ о древних легендарных царях и героях и доходит до начала сасанидских времен, уже претерпевает значительную эволюцию. Понятия добра и зла уже фактически превращаются в абстракции, их, по сути дела, подменяет противопоставление "свои-враги". Подобная эволюция понятий добра и зла не удивительна, она весьма характерна для многих религиозных и идеологических систем разных времен и народов.

Здесь может возникнуть вопрос: какова же, все-таки, точка зрения самого Фирдоуси? На этот вопрос ответить трудно: возможно, он просто запечатлел, сам того не замечая, эволюцию представлений о сущности добра и зла, запечатленную в источниках, которыми он пользовался при написании поэмы. Впрочем, кое-что проясняет эпизод из другого ее раздела, где Кей-Хосров, победив Афрасиаба и достигнув вершины могущества, начинает опасаться, как бы ему не возгордиться и не стать тираном. Он молит Ормузда уберечь его от подобного греха, и тот через вестника своего Суруша дает ему указание ... готовиться к переходу в мир иной! Быть может, мы вправе предположить, что Фирдоуси с горечью констатирует: праведному и совестливому человеку не место на троне, безукоризненная добродетель несовместима с престолом, для которого куда более подходят государи типа Ардашира.

-
1. Основатель Сасанидского государства Ардашир I (226–243 гг.). Этот правитель, как и сасанидские цари Варахран У (Бахрам Гур) и Хосров I Ануширван в наибольшей степени были освящены ореолом легенды.
  2. Об исторической основе этой легенды и об этимологии имени Хафтвад (Хафтобад) см.: В.Б.Хеннинг (библиография, У).

3. В поэме *فرسيان* ("фарр-и Кайан").
4. В "Карнамаке" лишь Ормузд, внук Ардашира, объединил всю Иранскую землю под единодержавием (ew-xwadayih, - П, с. 62-63), а в "Шахнаме" это удалось уже самому Ардаширу (I, с. 172, бейт 297).
5. Среднеперс. *ked i hindugan*, новоперс. *کده هندی*. Слово "ked" некоторые исследователи считают именем собственным. В "Шахнаме", в сказании об Искандере (Алекса́ндре Македонском) - собственное имя индийского царя (II, с. 102; I, с. 12, бейт 104).
7. В "Шахнаме" *مهرت زوم* (I, с. 66, бейты 196-199), в "Карнамаке" просто земледелец (*warzigar*, - П, с. 59).
6. 7 лет. Это число - одно из часто повторяющихся в иранском эпосе. Так "7 царств" - олицетворение великодержавия. У Хафтвада и у Мехрака по семь детей, семь лет исполняется Шапуру, когда его представляют отцу и столько же - Ормузду, когда происходит его знакомство с дедом.
8. Культ этого божества существовал еще до возникновения зороастризма, как и культ многих других божеств, вошедших в зороастрийский пантеон (например Митры и Анахиты).
9. В "Шахнаме" Ардашир, победив Мехрака, сразу же истребляет весь его род, а в "Карнамаке" - только после слов Прорицателя (I, с. 148, бейт 692; П, с. 81).
10. В "Карнамаке" Червь питается все же кровью, но не людей, а только животных (П, с. 53).

Список использованной литературы

- I. Фирдоуси. "Шахнаме". Критический текст, составитель М.-Н.О. Османов, под редакцией А.Нушина. Т. 7. М., 1968.
- II. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, перевод со среднеперсидского, комментарий и глоссарий О.М.Чунаковой. М., 1987.
- III. В.Г.Луконин. "Культура сасанидского Ирана. Иран в III-V вв." М., 1969.
- IV. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 2. М., 1963.
- V. W.B.Henning. "Ein persischer Titel im Altaramäischen". Acta Iranica 15. 10-m série. Leiden, 1977.